

Иван Тургенев

**Воспоминания о Н. В.
Станкевиче**

Иван Сергеевич Тургенев

Воспоминания о Н. В. Станкевиче

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003635*

Аннотация

Воспоминания о Станкевиче были написаны Тургеневым, вероятно, по просьбе П. В. Анненкова как подсобный материал для его статьи «Н. В. Станкевич. Биографический очерк». Анненков, не знавший лично Станкевича, при составлении его биографии пользовался его перепиской и рассказами его друзей. Но ему не хватало, по-видимому, живых бытовых деталей, характеризующих Станкевича и его окружение, впечатлений от его внешности, манеры держаться, говорить и т. д. Всё это мог дать ему Тургенев, близко общавшийся со Станкевичем в последние месяцы его жизни; потому-то написанные им воспоминания носят такой личный, интимный характер.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

<Воспоминания о Н. В. Станкевиче>

Меня познакомил с Станкевичем в Берлине Грановский – в 1838-м году, в конце.^[1] До того времени я слышал о нем мало. Помню я, что когда Грановский упомянул о приезде Станкевича в Берлин, я спросил его – не «ви́ршеплет» ли это Станкевич,^[2] – и Грановский, смеясь, представил мне его под именем «ви́ршеплета». В течение зимы я довольно часто видался с Станкевичем – но не помню, чтоб мы вместе ходили на лекции: он брал *privatissima*¹ у Вердера – а в университет не ходил.^[3] Станкевич не очень-то меня жаловал – и гораздо больше знался с Грановским и Неверовым.^[4] Я очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, происшедшей, впрочем, не от его обхожденья со мною, которое было весьма ласково, как со всеми, но от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости. Станкевич жил в то время один – но у него с утра до вечера гостила одна девица, по имени Берта,^[5] недурная собой и неглупая; она в последствии времени очень плохо кончила, сошлась с Ефремовым^[6] и была выслана из Берлина, чуть ли не за кражу. Она была довольно остра и забавна по-берлински. Пом-

¹ самым частным образом (лат.).

ню я одну ее остроту, переданную Станкевичем: у ней была сестра, которой пришлось раз ночевать у Станкевича, – Берта объявила, что она не хочет, чтобы на эту ночь была «allgemeine Pressfreiheit»², хотя она и либералка. Станкевич любил женский пол, но в душе был целомудрен – особенно если сравнить его с нынешней soi-disant³ молодежью. Здоровье его уже тогда было плохо – мы знали все, что он страдает грудью, и к нему ездил д-р Барé (Barez), который обращался с ним очень дружелюбно. (Он был тогда первым врачом в Берлине.) Впрочем, Станкевич много выходил и театр посещал часто,^[7] особенно немецкую оперу. Тогда соперничали две певицы: Лёве и Фассманн – признаться сказать, обе довольно плохие. Грановский был поклонником Лёве, высокой и красивой брюнетки, Станкевич предпочитал Фассманн, блондинку. Любимцами Станкевича были два комика: Герн и Бекманн.^[8] Герн был карикатурист вроде Живокини; у Бекманна было много неподдельного, спокойного юмору. В характере Станкевича было много веселости, и он любил посмеяться. Чаще всего встречал я его у Фроловых.^[9] Он почти все вечера проводил у них. Между им и г-жой Фроловой существовало отношение весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замечательная. Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроенным (она скоро по-

² «полная свобода печати» (нем.).

³ так называемой (франц.).

том умерла), некрасивая – она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством – *mettre les gens à leur aise*⁴, сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало – она скорее походила на очень умную француженку – *un peu de l'ancien régime*⁵. Стефания Баденская считала ее в числе своих приятельниц – Беттина^[10] часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной *un peu de haut en bas*⁶. Вердер бывал у ней часто – Гумбольдт^[11] посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать. Фролов сам никогда не вмешивался в разговор – сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы – но не раскрывал рта. Станкевича Фролова очень любила и уважала. Она сходилась с ним в мнениях. Впрочем, я не слышал, чтобы она с ним говорила о философии. Это было дело Вердера, который разговаривать не умел. Раз, по уходе Вердера, я не мог удержаться и воскликнул: «В первый раз слышу человека!» – «Да, – заметила Фролова, – жаль только, что он с одним собой знаком». Фарнгаген^[12] (известный биограф) ходил к Фроловым – он любил выводить на свежую воду Беттину, которая его терпеть не могла и называла его

⁴ вызывать у людей ощущение непринужденности (*франц.*).

⁵ немножко старорежимну о (*франц.*).

⁶ немножко свысока (*франц.*).

Повторяю, что во время моего пребывания в Берлине я не добился доверенности или расположения Станкевича; он, кажется, ни разу не был у меня, Грановский был всего только раз – и при мне у них не было откровенных разговоров. Станкевич, помнится, не любил тогда Жорж Занд – а о Белинском отзывался хотя дружественно, но несколько насмешливо... «Ну! – воскликнул он раз, услышав о какой-то либеральной, но глупой выходке, – теперь Виссариона хоть овсом не корми!» Я тогда о Белинском ничего не знал – и помню это слово Станкевича только по милости странного имени: Виссарион – поразившего меня. Берта, о которой я говорил выше, была отчасти причиной холодности Станкевича ко мне: я раз поехал с ней кататься верхом в Тиргартен – она очень со мной кокетничала, – а вернувшись, уверила Станкевича, что я делал ей предложения: а она просто мне не нравилась. Вот всё, что я помню из пребывания Станкевича в Берлине.

Я встретил его потом в начале 1840-го года в Италии, в Риме.^[13] Здоровье его значительно стало хуже – голос получил какую-то болезненную сиплость, сухой кашель часто мешал ему говорить. В Риме я сошелся с ним гораздо теснее, чем в Берлине, – я его видел каждый день – и он ко мне почувствовал расположение. В Риме находилось тогда русское семейство Ховриных,^[14] к которым Станкевич, я и еще один

⁷ ядовитый осел (нем.).

русский, А. П. Ефремов, ходили беспрестанно. Семейство это состояло из мужа (весьма глупого человека, отставного гусара), жены, известной московской барыни, Марьи Дмитриевны – и двух дочерей. Старшей тогда только что минуло шестнадцать лет – она была очень мила и, кажется, втайне, чувствовала большую симпатию к Станкевичу, который отвечал ей дружеским, почти отеческим чувством. (Сам он тогда думал о Дьяковой, которая жила в Неаполе и с которой он съехался потом.^[15]) Остальных лиц тогдашнего нашего кружка я не стану описывать – Станкевич говорит о них в своих письмах.^[16] Мы разъезжали по окрестностям Рима вместе, осматривали памятники и древности. Станкевич не отставал от нас, хотя часто плохо себя чувствовал; но дух его никогда не падал, и всё, что он ни говорил – о древнем мире, о живописи, ваянии и т. д., – было исполнено возвышенной правды и какой-то свежей красоты и молодости. Помню я раз – мы шли с ним к Ховриным и говорили о Пушкине, которого он любил страстно, так же как и Гоголя. Он начал читать стихотворение: «Снова тучи надо мною»^[17] – своим чуть слышным голосом... Ховрины жили очень высоко – в четвертом этаже. Взираясь на лестницу, Станкевич продолжал читать и вдруг остановился, кашлянул и поднес платок к губам – на платке показалась кровь... Я невольно содрогнулся – а он только улыбнулся и дочел стихотворение до конца. Изредка находил на него, однако, страх – как бы предчувствие близкой смерти. Раз, возвращаясь уже вечером в открытой коляс-

ке из Альбано, – поравнялись мы с высокой развалиной, обросшей плющом, мне почему-то вздумалось вдруг закричать громким голосом: «Divus Caius Julius Caesar»^{8[18]} – в развалине эхо отозвалось будто стоном. Станкевич, который до того времени был очень разговорчив и весел, – вдруг побледнел, умолк и погодя немного проговорил с каким-то странным выражением: «Зачем вы это сделали?» В то время в Риме беспрестанно случались убийства, чуть ли не по одному на день. Говорили даже, что убийцы пробираются на квартиры иностранцев. Станкевич перепугался, приказал устроить у своей двери железные болты и крюки – и баррикадировался с вечера. Раз я его спросил, что бы он сделал, если б вдруг, ночью, открывая глаза, он увидел, что какой-то незнакомый человек шарит по его комнате? «Что бы я сделал? – возразил Станкевич. – Самым нежным голоском, чтобы не подать ему даже мысли, что я могу защищаться, сказал бы я ему: „Carissimo signor ladrone! (И Станкевич придал своему голосу самое умоляющее выражение.) – Carissimo signore! Prendete tutto ciò che volete – ma lasciate mi la vita! – per carità!“»⁹ В Станкевиче была способность даже к фарсу. Помню, раз из шести поданных ему панталон ни одни не оказались годными; он вдруг принялся отплясывать по комнате в одних подштанниках с самыми уморительными гримасами

⁸ «Божественный Кай Юлий Цезарь» (лат.).

⁹ „Дражайший господин грабитель! – Дражайший господин! Возьмите, что хотите, только оставьте мне жизнь! – будьте милосердны!“ (итал.).

– а это происходило месяца за три до его смерти. Хохотал он иногда до упаду – никогда не забуду, как он однажды смеялся, прочтя в «Тарасе Бульбе»,^[19]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Меня познакомил с Станкевичем ~ в 1838-м году, в конце. – Тургенев допускает неточность. Первое знакомство его со Станкевичем состоялось в 1833 г. в Московском университете (см.: Станкевич, Переписка, с. 64). В период жизни Тургенева в Петербурге (1834–1838) и в первые месяцы его пребывания в Германии (летом 1838 г.) они не встречались (если не считать мимолетную встречу в Эмсе, в середине июня) и увиделись в Берлине, по возвращении туда Станкевича из путешествия по Германии, 23 сентября (5 октября) 1838 г. Зиму 1838–1839 г., а также летом – в июне 1839 г. Тургенев и Станкевич изредка встречались в Берлине (см. письмо Тургенева к Т. Н. Грановскому от 8 (20) июня 1839 г. из Берлина). Осенью 1839 г. Тургенев вернулся в Россию, а в конце февраля 1840 г. приехал в Рим, где вновь увиделся со Станкевичем – и на этот раз ближе сошелся с ним. Первые страницы воспоминаний Тургенева относятся к берлинским их встречам 1838–1839 гг.

2.

...не «виршеплет» ли это Станкевич... – Этот вопрос Тургенева вызван был тем, что в 1829–1836 гг. Станкевич опубликовал в журналах и альманахах несколько лирических стихотворений (см.: Станкевич Н. В. Стихотворения. – Трагедия. – Проза. М., 1890).

3.

...он ~ в университет не ходил. – Как видно из писем Станкевича к родным и друзьям, он на самом деле гораздо ближе был связан с Берлинским университетом, чем изображает Тургенев: в 1838 г. он посещал лекции профессоров К. Вердера (1806–1893) по философии, Л. Ранке (1795–1886) по новейшей истории, Г. Гото (H. Notho, 1802–1873) по искусствоведению и других (см.: Станкевич, Переписка, с. 175, 187 и др.).

4.

Неверов – Януарий Михайлович (1810–1893), друг Станкевича (с которым был в переписке с 1831 г.) и Грановского, впоследствии – писатель и педагог, автор статей о воспитании и воспоминаний о Тургеневе (Рус Ст, 1883, № 11). Тургенев познакомился с ним весной 1838 г. в Эмсе, где Неверов находился вместе со Станкевичем. В 1838–1839 гг. Неверов жил в Берлине на одной квартире с Тургеневым; он познакомил Тургенева с К. Фарнгагеном фон Энзе, с оппозиционно настроенным семейством Зигмунта, отца Эммы Гервег, жены Г. Гервега, и другими берлинцами. В 1839 г. Неверов и Грановский уехали в Россию.

5.

...девица, по имени Берта... – О ней упоминает Тургенев в письмах к Грановскому от 8 (20) июня 1839 г. и 4 (16) июля 1840 г. Сохранились два ее письма к Тургеневу по поводу смерти Станкевича (ГИМ).

6.

...с Ефремовым... – Александр Павлович Ефремов (1814–1876) – друг Станкевича, приятель Белинского, Бакунина и Тургенева. В 1839–1841 гг. изучал географические дисциплины в Берлинском университете. В 1840 году состоял в переписке с Тургеневым.

7.

...Станкевич ~ театр посещал часто... – Станкевич в Берлине посещал Оперный и Кенигштадтский театры. Упомянутые Тургеневым певицы – Каролина Лёве (1816–1901) и Августа Фассман (1808–1872) выступали в Оперном театре, последняя главным образом в операх Глюка.

8.

Любимцами Станкевича были ~ Герн и Бекманн. – Герн Альберт Леонард (1789–1869) и Бекманн Фридрих (1803–1866) – комические актеры Кенигштадтского театра; Бекманн – автор и исполнитель многих «локальных поссов» (народных фарсов) с куплетами на злобу дня. О спектаклях с участием Бекманна Станкевич писал

А. П. Ефремову еще в 1837 году, отмечая склонность этого актера вводить в исполняемые им роли «остроты своего изобретения», пользовавшиеся неизменным успехом у публики (см.: Станкевич, Переписка, с. 427). Станкевич и Тургенев, не без влияния Бекманна, сочиняли каламбуры и юмористические стихи, которые посылали своим друзьям. Высказано предположение, что пародийная сцена Тургенева «Нечто, или Чемодан» также навеяна впечатлениями от выступлений Бекманна (см. письмо Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 29 августа (10 сентября) 1840 г.).

9.

Чаще всего встречал я его у Фроловых. – Фроловы – Николай Григорьевич (1812–1855) и Елизавета Павловна, урожд. Галахова, – приехали в Берлин из Швейцарии в конце 1837 г. Фролов, бывший гвардейский офицер, в 1834 / 35 г. слушал лекции в Дерптском университете вместе с И. П. Галаховым. В конце 1840-х годов Фролов поместил в «Современнике» ряд своих работ: «Исправительные тюрьмы в Швейцарии» (1847, № 9); перевод «Космоса» А. Гумбольдта (1847, № 10, 12; 1848, № 2, 7; 1849, № 9 и др.). С 1852 г. издавал журнал «Магазин землеведения и путешествий». В 1849 г. написал биографию Станкевича, оставшуюся неизданной: в ГИМ хранятся ее черновые рукописи и цензурованный наборный экземпляр с

цензорскими купюрами (Лит Насл, т. 56, с. 169). Белинский относился отрицательно к трудам Фролова (Белинский, т. XII, с. 420). Тургенев дал ему памфлетную характеристику в «Гамлете Шигровского уезда» (см. наст. изд., т. 3, с. 263 и примеч., с. 502).

10.

Беттина – Беттина (Элизабет) фон Арним, урожд. Брентано (1785–1859), немецкая писательница, автор «Переписки Гёте с ребенком» (1835). Уравновешенной, светской Е. П. Фроловой, которая мало интересовалась современной общественной и политической жизнью, была глубоко чужда эта темпераментная и эксцентричная женщина, проявлявшая жгучий интерес к современному революционному движению и социальным проблемам. Тургенева Беттина Арним в этот период интересовала как корреспондентка Гёте и его почитательница (см. наст. том, с. 495).

11.

Гумбольдт – Александр Гумбольдт (1769–1859), знаменитый немецкий естествоиспытатель; в 1829 г. по приглашению Николая I приезжал в Россию и объехал Урал, Сибирь и Центральную Азию.

12.

Фарнгаген – Фарнгаген фон Энзе, Карл Август (1785–1858), немецкий писатель и дипломат, мемуарист, критик и публицист; был знаком со многими русскими писателями и общественными деятелями, проявлял большой интерес к русской литературе, политической и общественной жизни, критически относился к политическому и социальному строю Германии. В его дневниках есть записи о некоторых вечерах у Фроловых. Так, в апреле 1838 г. у них были споры о духовном наследии, культуре и цивилизации (Tagebücher, B. I, S. 89), а 6 декабря 1838 г. обсуждалось художественное и общественное значение романа Гёте «Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера» (Tagebücher, B. I, S. 84). В дневниках – немало упоминаний о Станкевиче и Тургеневе. В 1857 г. – по-видимому, при содействии Фарнгагена – в «Ежегоднике» Энциклопедического словаря Брокгауза («Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon») была опубликована статья о Белинском, содержащая первое упоминание о Станкевиче в западноевропейской печати (см.: Лит Насл, т. 56, с. 492–493).

13.

Я встретил его ~ в Риме. – Тургенев с конца февраля по 12 (24) апреля 1840 г. жил в Риме; туда же в начале марта н. ст. приехали из Флоренции Станкевич и А. П. Ефремов.

14.

В Риме ~ семейство Ховриных... – В доме Ховриных 26 февраля (9 марта) 1840 г. Тургенев встретил вновь Станкевича (см.: Станкевич, Переписка, с. 685). Ховрины – Николай Васильевич, его жена Мария Дмитриевна (1801–1877), их старшая дочь Александра Николаевна, в замужестве Бахметьева (1823–1901), называвшаяся в семейном и дружеском кругу «Шушу», нередко упоминаются в письмах Тургенева 1840 г. из Италии. Римские встречи вызвали у Тургенева два стихотворения, посвященных А. Н. Ховриной (см.: наст. изд., т. 1, с. 312 и 314). Позднее А. Н. Бахметьева стала писательницей для детей и «для народа», строго религиозного направления с оттенком славянофильства.

15.

Сам он тогда думал о Дьяковой... – Дьякова Варвара Александровна, урожд. Бакунина (1812–1866) – вторая из сестер Бакуниных, друг Станкевича, ухаживавшая за ним в последние дни его жизни.

16.

Остальных лиц ~ в своих письмах. – В письмах Станкевича из Рима к Фроловым говорится о польском пианисте Брингинском, русском художнике А. Т. Маркове, немецком художнике Рунде, А. П. Ефремове и др.

17.

«Снова тучи надо мною» – первая строка стихотворения Пушкина «Предчувствие» (1828), которое, по-видимому, в сознании Станкевича связывалось тогда с предчувствием близкой смерти.

18.

«Divus Caius Julius Caesar». – См. то же воззвание к Юлию Цезарю в повести Тургенева «Призраки» (главы XII–XIII).

19.

...прочтя в «Тарасе Бульбе»... – Эпизод из VIII главы повести Гоголя в первой ее редакции (1835).